

© 2014 г.

Ю.В. ШАХИН

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТОРОННИКОВ КОМИНФОРМА В ЮГОСЛАВИИ

Весной 1948 г. в советско-югославских отношениях наступило резкое похолодание, которое летом переросло в острое противостояние, длившееся до середины 50-х годов XX в. Переход к открытому конфликту в отношениях двух государств оформило заседание Коммунистического информационного бюро, состоявшегося в конце июня 1948 г. под Бухарестом. Коминформбюро, или Коминформ, – это совещательно-информационный орган, объединявший крупнейшие сталинистские компартии Европы во главе с ВКП(б). Именно резолюция Коминформбюро “О положении в Коммунистической партии Югославии” обозначила публичный разрыв между Югославией и СССР.

Истоки и ход противостояния двух некогда близких союзников, международные и внутриполитические последствия конфликта неоднократно становились объектом внимания историков, и на сегодняшний день неплохо изучены. Меньше известно о тех, к кому апеллировал в своей знаменитой резолюции Коминформ. Бухарестское совещание обратилось к “здоровым силам” с призывом сместить руководство Коммунистической партии Югославии (КПЮ) и тем самым нормализовать обстановку в партии и стране¹. Призыв упал на благодатную почву. В Югославии нашлись тысячи сторонников Коминформа, поверивших, что И.В. Сталин, ВКП(б), СССР и Коминформ правы в начавшемся советско-югославском конфликте. Эти люди были названы коминформбюровцами. Впрочем, в югославской традиции не было одного термина для их определения. Как синонимы использовались слова “коминформовец”, “коминформист”, “информбюровец”, “ибовец”, “информбираш”. В служебных документах коминформбюровцев обозначали аббревиатурой “ИБ”. Мы будем использовать термин “информбюровец” как наиболее распространенный.

Численность сторонников Сталина в Югославии была велика, если исходить из масштабов страны с населением 17 млн. чел. В 1948–1963 гг. под подозрение югославских спецслужб попали 55 663 чел., из них от 16 288 до 16 731 чел. были лишены свободы. Почти 5 тыс. чел. стали невозвращенцами или бежали за границу из-за своих просоветских убеждений.

В советской, югославской, российской и современной югославянской историографии информбюровцы редко рассматривались как самостоятельное явление. Они попадали в поле зрения историков лишь в связи с советско-югославским противостоянием. Между тем, их деятельность после советско-югославского конфликта не прекратилась. Историки чаще всего рассматривают информбюровцев не как субъект, а как объект. Они акцентируют внимание на проводимой против них репрессивной политике и их мучениях в лагерях. Мы очень мало знаем об этих людях не как о жертвах репрессий, а как

Шахин Юрий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Одесского национального университета им. И.И. Мечникова.

¹ *Kržavac S., Marković D.* Informbiro. Šta je ta? Jugoslavija je rekla: ne. Beograd, 1976, s. 126.

о борцах с режимом. Данная статья призвана восполнить этот пробел. Нам интересна деятельность информбюровцев в Югославии, их социальный состав и мотивы. Лишь в отдельных случаях автор обращается к жизни информбюровцев в эмиграции.

Чем же занимались находившиеся на свободе коминформовцы, прежде чем их выявляли карательные органы? При ответе на этот вопрос следует иметь в виду, что основным источником наших сведений об их деятельности являются партийные документы, созданные в условиях превентивных репрессий и шпиономании. Любые поступки могли рассматриваться как информбюровская деятельность. Партийные руководители, даже оставаясь в своем кругу, в основном продолжали делать вид, что этот театр абсурда соответствует действительности, и дальше играли “в охоту на ведьм”. Предположительно, какой-то узкий круг высокопоставленных лиц из союзного Политбюро понимал всю условность навязанной партии “игры”. Но не они занимались выявлением информбюровцев и не они писали отчеты, поступавшие с мест. Мы должны помнить, что содержащаяся в партийных документах информация искажена. Эти замечания во многом справедливы и в отношении документов из управления государственной безопасности Югославии (сокращенное название – УДБа). Источники этой группы пока доступны фрагментарно. С материалами судебно-следственных дел историки практически не работали.

В Черногории, писал историк Б. Ковачевич, “была зарегистрирована активность сторонников ИБ, которая проявлялась в слушании передач радиостанций стран-членов Информбюро, особенно Радио Москвы, что было запрещено, распространении пропагандистского материала, распространении тревожных вестей, запугивании членов партии и народа приходом русских сил, прорицании югославскому партийному руководству, что скоро падет. Распевались просталинские и просоветские песни. Отдельные люди уходили в лес... Были случаи бегства в соседние страны, особенно в Албанию, как и создания информбюровских центров и организаций”². Хорватский историк М. Превишич дополнил список деятельности информбюровцев шпионажем и подготовкой к вооруженному восстанию³. Эти наблюдения справедливы. Они совпадают с выводами, к которым пришли другие историки по всей Югославии.

Согласно источникам, нелегальные информбюровские группы активно создавались с конца 1948 по осень 1949 г. Первые подпольные объединения возникли осенью 1948 г. и были немногочисленными: по 5–10 чел. Некоторые из них действовали в армии. Участники подполья пытались наладить контакты друг с другом. В первой половине 1949 г. наметилась тенденция к консолидации групп, но уже осенью этот процесс прервали спецслужбы⁴.

В начале 1949 г. в Черногории была предпринята попытка основать нелегальный республиканский Центральный комитет из 22 чел. в Цетинье и руководства для отдельных срезов – Никшич, Котор, Даниловград, Цетинье⁵. В июне 1949 г. нелегальный информбюровский комитет из 7 чел. возник в Иванградском срезе⁶.

В Сербии, к югу от Дуная, крупная организация была раскрыта в сентябре 1949 г. в Трстенинском срезе. В нее входили около 100 чел. Группа сформировала свой подпольный комитет, имела нелегальную аппаратуру, установила связи с Белградом. Большой организацией была и группа в Студенинском срезе⁷. Крупным центром информбюров-

² Kovačević B. O Informbiro u Crnoj Gori. – 1948. Jugoslavija i Kominform: pedeset godina kasnije. Beograd – Podgorica, 1998, s. 136.

³ Previšić M. Djelovanje “ibeovaca” na području Slavonskoga Broda 1948. – 1955. – Scrinia Slavonica, 2010, № 10, s. 395.

⁴ Radonjić R. Izgubljena orijentacija. Beograd, 1985, s. 88, 92–95.

⁵ Kovačević B. Op. cit., s. 136; Marković D. Istina o Golom otoku. Beograd, 1987, s. 17; Petranović B. Istorija Jugoslavije, 1918–1988, knj. 3. Beograd, 1988, s. 224; Radonjić R. Op. cit., s. 93.

⁶ Nikolić M. Informbiro, knj. 1. Zagreb, 1989, s. 139.

⁷ Mitrović M. Ibeovci Srbije 1948–1952. u partijskim izveštajima. – Jugoslovensko-sovjetski sukob 1948. godine. Beograd, 1999, s. 230.

ской деятельности был Белград. С 1949 по середину 1952 г. там регулярно возникали группы на предприятиях, в вузах, школах и даже в таких учреждениях, как редакция газеты “Борба”, Центральное вече Союза профсоюзов Югославии, журналистско-дипломатическая школа⁸.

В Воеводине до конца 1949 г. были раскрыты 54 организации, включавшие 448 чел. Они образовались в конце 1948 – начале 1949 г. Самые крупные из них действовали в Кулском срезе, в Сремска-Митровице и в Вршце⁹. Кулский срез подвергся наиболее основательной чистке: к июлю 1952 г. 468 чел. были исключены из партии, а 167 – арестованы¹⁰. Архивные материалы дополняют эту картину. С начала 1949 по лето 1951 г. на территории Воеводины действовали не менее 14 информбюровских групп. В трех из них состояло по 20–25 членов. Группы сложились в Белой Церкви, Русском селе и селе Равном. Несмотря на аграрный характер края, в Панчеве, Зренянии и Кулском срезе в 1949–1950 гг. были выявлены информбюровские группы на промышленных предприятиях¹¹.

Сторонники Коминформа создали крупные организации и на территории Хорватии. В начале 1949 г. в Загребе возникла “Большевистская фракция имени Арсо Евановича”. Членами ее были около 40 чел., в основном студенты-черногорцы¹². Позднее в Загребе было “выявлено “Инициативное руководство по Хорватии”, которое имело план соединить все нелегальные группы в республике. В его составе оказались замечены профсоюзные функционеры, работники просвещения, журналисты и студенты. “Инициативное руководство” сумело создать и связать несколько меньших групп”¹³. В окрестностях Славонски-Брода и Крижевцев с ноября 1948 по июнь 1952 г. информбюровцы образовали 6 групп, крупнейшая из которых объединила 11 чел.¹⁴ В феврале 1951 г. в Бенковцах и Трогире обнаружены нелегальные комитеты¹⁵.

Проблему для властей Хорватии представляли тржичане, т.е. итальянцы, ранее проживавшие в городе Монфальконе (словенское название Тржич). В 1947 г., когда по мирному договору город отошел к Италии, тржичане с семьями переселились в Югославию, чтобы принять участие в “строительстве социализма”. Большинство из них осело в Риеке, меньшая часть – в Пуле. По данным Политбюро ЦК Коммунистической партии Хорватии (КПХ), около 600 тржичан Риеки сразу поддержали резолюцию Коминформбюро и установили связи с итальянской компартией. До лета 1949 г. попытки разбить их группу не принесли успеха¹⁶. А в Пуле именно среди итальянцев, членов Коммунистической партии Югославии (КПЮ), в 1949 и в 1951 гг. были раскрыты информбюровские ячейки¹⁷.

Не обошлось без подпольных организаций и в Боснии. В сентябре 1949 г. в Сараево была раскрыта группа из 11 служащих, якобы координировавшая деятельность местных

⁸ *Dedijer V. Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita*, t. 3. Beograd, 1984, s. 460; *Banac I. Sa Staljinom protiv Tita: Informbirovski rascjepi u jugoslovenskom komunističkom pokretu*. Zagreb, 1990, s. 220; *Боцић Д.* Извештај УДБ-е о стању на факултетима Београдског универзитета и великих школа 1951. Године. – Архив. Часопис Архива Србије и Црне Горе, 2003, № 1-2, с. 176–177; *Mitrović M.* Op. cit., s. 228; *Nikolić M.* Op. cit., s. 106; *Radonjić R.* Op. cit., s. 93.

⁹ *Mitrović M.* Op. cit., s. 229.

¹⁰ Архив Воеводине (далее – АВ), ф. 334, Покрајински комитет Савеза комуниста Србије за Војводину – Нови Сад, п. 1440, л. 4.

¹¹ Там же, п. 607, л. 1–3; п. 1736, л. 2; п. 1742, л. 2; п. 1791, л. 5; п. 2078, л. 2; п. 2145, л. 2–3; п. 3207, л. 6; п. 3232, л. 12; п. 4027, л. 13; п. 7755, л. 13.

¹² *Banac I.* Op. cit., s. 220.

¹³ *Nikolić M.* Op. cit., s. 140; *Radonjić R.* Op. cit., s. 93.

¹⁴ *Previšić M.* “Informbiro” križevačkog kotara 1948–1958. Godine. – *Cris – časopis Povijesnog društva Križevci*, 2009, № 11, s. 106–108.

¹⁵ *Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske*, sv. 1–2. Zagreb, 2005–2006, sv. 2, s. 647.

¹⁶ *Ibid.*, sv. 1, s. 485, 490, 503, 505, 507; sv. 2, s. 168, 188–190.

¹⁷ *Dedijer V.* Op. cit., s. 463; *Zapisnici Politbiroa...*, sv. 2, s. 36.

информбюровцев¹⁸. В Словении и Македонии крупные информбюровские объединения не зафиксированы.

Следует учитывать, что далеко не все, что названо в источниках группами, на самом деле были ими. Хорватский историк М. Превишич, работавший с материалами спецслужб, отметил, что после 1950 г. УДБа даже незначительные сведения об информбюровцах могла преподносить как наличие “группы”. Потому, по его словам, нужно быть очень осторожным при изучении понятия “информбюровская группа”¹⁹. Справедливость этого мнения подтверждает опубликованный отчет УДБы о положении в вузах Белграда в 1951 г. Согласно отчету, в Белградском университете в 1951 г. выявлены три студенческие группы численностью 4, 3 и 2 чел. При этом составители отчета утверждали: “В этом году, в отличие от предыдущих лет, не было ИБ организаций, групп и листовок”²⁰. Очевидно, даже в глазах спецслужб арестованные студенты до статуса группы не дотягивали, а присвоение этого статуса было делом субъективного выбора.

Группы информбюровцев обычно занимались развитием нелегальной сети, устной пропагандой и распространением листовок. Изредка нелегальные организации создавались для вооруженного сопротивления и/или прорыва за границу.

Первая попытка бегства за рубеж была предпринята в августе 1948 г. В ночь с 11 на 12 августа генерал-полковник, начальник Военной академии А. Ёванович, полковник, политический комиссар Военной академии В. Дапчевич и генерал-майор, заместитель начальника Главного политуправления Югославской армии Б. Петричевич попытались перейти румынскую границу. Попытка оказалась неудачной: А. Ёванович был убит, Б. Петричевич вернулся в Белград, где его арестовали, а В. Дапчевич перешел на нелегальное положение и был задержан лишь 2 сентября на венгерской границе. В 1950 г. Б. Петричевича и В. Дапчевича приговорили к 20 годам заключения. 16 августа 1948 г. генерал-майор авиации, начальник оперативной службы Югославской военной авиации П. Попивода бежал в Румынию. Эти случаи произвели сильное впечатление на высшее руководство КПЮ, показав, что в противостоянии с СССР оно в любой момент может потерять поддержку части высшего командования²¹.

Резонансная попытка бегства произошла и в Черногории. В ночь с 6 на 7 января 1949 г. партком среза Биело Поле во главе с секретарем И. Булатовичем в полном составе с оружием в руках ушел в лес, решив пробиваться в Албанию. Через 15 дней группу ликвидировали. Черногорцы часто бежали за границу. К концу 1948 г. 21 чел. успешно пересек границу, 5 – погибли при попытке бегства, 16 – были в бегах²².

Во второй половине 1948 – 1949 гг. из страны сбежало 250 чел. Некоторые, не имея шансов покинуть Югославию, переходили на нелегальное положение и скрывались в горах²³. В дальнейшем фиксировались случаи единичных побегов через Триест, через Адриатическое море с островов в районе Сплита и через Дунай. Последний крупный вооруженный прорыв за границу вне этих зон отмечен в 1952 г. в Заечаре. Люди пытались уйти в Болгарию²⁴.

В источниках зафиксированы попытки саботажа или диверсий в Тимокской области в 1949 г., на аэродромах в Земунике (под Загребом) и Батайнице в 1951 г., на предприятиях Вуковара в ноябре 1951 г. и др. Партия приписывала их информбюровцам. Однако, более вероятно, что эти случаи были связаны с глубоким проникновением диверсионных

¹⁸ Nikolić M. Op. cit., s. 140.

¹⁹ Previšić M. Djelovanje “ibeovaca”..., s. 396.

²⁰ Bončuh D. Указ. соч., с. 177.

²¹ Marković D. Op. cit., s. 23–45, 63.

²² Москва и Восточная Европа. М., 2008, с. 589; Kovačević B. Op. cit., s. 136, 141; Marković D. Op. cit., s. 16; Petranović B. Op. cit., s. 224.

²³ АВ, ф. 334, п. 2145, л. 3; Marković D. Op. cit., s. 98; Mitrović M. Op. cit., s. 230; Nikolić M. Op. cit., s. 140; Previšić M. Djelovanje “ibeovaca”..., s. 403–406; Zapisnici Politbiroa..., sv. 2, s. 174.

²⁴ Mihailović D. Goli otok – na tragu gulaga i holokausta. – Jugoslovensko-sovjetski sukob 1948. godine. Beograd, 1999, s. 273.

групп из-за границы, а не с акциями местных подпольщиков. По данным Радоньича, в 1948 г. информбюровцы устроили 26 диверсий в армии. Некоторые информбюровцы только готовились к диверсиям, но совершить ничего не успели. Уникальный акт вредительства был зафиксирован в 1951 г. в редакции газеты “Борба”. Якобы выявленная там группа “саботировала директивы, делала намеренные опечатки в новостях”²⁵.

Некоторым информбюровцам вменялся в вину шпионаж в пользу СССР. Размах этой деятельности, похоже, был сильно преувеличен как официальной югославской пропагандой, так и фантазиями “органов”, но все-таки она имела место. Официальная статистика югославских спецслужб уверяет, что Советский Союз и его союзники завербовали в Югославии 1 932 чел., в том числе 872 – после начала конфликта. Один из достоверных случаев связан с неким полковником В.Д. в Риеке. Полковник создал агентурную сеть из 28 чел. на военно-морском флоте Югославии, а после разоблачения был казнен²⁶.

Листовки, наряду с беседами, были самой распространенной формой агитации информбюровцев. Спецслужбы обычно выявляли их в 1948–1950 гг. Лишь один случай распространения листовок относится к 1951 г.²⁷ В основном листовки были малотиражными. Некоторые из них изготавливались на печатной машинке. Законодательство рассматривало распространение листовок антиправительственного содержания как преступную деятельность.

Информбюровцы занимались также прослушиванием просоветских радиостанций. В 1950–1951 гг. это было широко распространенное занятие в Словении, Хорватии, Сербии и Черногории²⁸. Разумеется, поиск альтернативных источников информации – вполне естественное дело для критически настроенного ума, и выглядеть как преступление оно могло, только если принять шкалу господствующих представлений того времени. То же самое можно сказать и о многих других “преступлениях” информбюровцев. Хранение портретов Сталина, распевание русских песен, распространение слухов, констатация объективного положения дел (например, что Югославия находится в международной изоляции), обсуждение с друзьями тех или иных проблем в информбюровском духе, анекдоты против Тито, “пассивизация”, т.е. отказ члена партии или общественного активиста от активной общественной деятельности, терпимость к бывшим заключенным Голого острова – за все это человек мог быть назван информбюровцем. Работникам спецслужб часто ставили в вину “злоупотребление должностью”, под которым понимали проявление мягкости и недоносительство. В Хорватии за “злоупотребление должностью” были репрессированы 33 из 79 работника УДБы²⁹.

Особенности репрессивной политики давно подтолкнули историков и публицистов к предположению, что значительная часть пострадавших якобы за поддержку СССР и Коминформа на самом деле состояла из случайных жертв. Но сколько же тогда было настоящих информбюровцев? Проблема эта особенно трудная, ведь настоящие коминформовцы могли быть не только в числе репрессированных. Среди избежавших ареста некоторые просто затаили свои убеждения, страшась мясорубки репрессий. Во второй половине 50-х годов XX в., после репрессий, убежденных информбюровцев было несколько сотен. Но нужно иметь в виду, что лагерный режим, установленный

²⁵ Banac I. Op. cit., s. 221; Mitrović M. Op. cit., s. 230; Zapisnici Politbiroa..., sv. 2, s. 878–879; Radonjić R. Op. cit., s. 91; Боцић Д. Указ. соч., с. 176–177; Previšić M. “Informbiro”..., s. 107; Dedijer V. Op. cit., s. 460.

²⁶ Dedijer V. Op. cit., s. 464; Radonjić R. Op. cit., s. 50.

²⁷ АВ, ф. 334, п. 1518, л. 2; п. 2145, л. 3; п. 3207, л. 6,7; п. 4027, л. 13; Nikolić M. Op. cit., s. 106, 139, 140; Previšić M. Djelovanje “ibeovaca”..., s. 404; Radonjić R. Op. cit., s. 84; Zapisnici Politbiroa..., sv. 1, s. 522; sv. 2, s. 485.

²⁸ АВ, ф. 334, п. 1501, л. 4; п. 2145, л. 3; п. 3386, л. 2; Marković D. Op. cit., s. 237; Previšić M. Djelovanje “ibeovaca”..., s. 403; Zapisnici Politbiroa..., sv. 2, s. 190, 191, 621; Zapisnici Politbiroja CK KPS/ZKS, 1945–1954. Ljubljana, 2000, s. 229, 262.

²⁹ Radelić Z. Pripadnici Udbe u Hrvatskoj osuđeni zbog Informbiroa. – Časopis za suvremenu povijest, 2010, № 2, s. 388, 389.

на Голом острове, большую часть реальных информбюровцев сломил, хотя какую-то малую часть прежде нейтральных людей, наоборот, ожесточил. Кроме того, во второй половине 50-х годов XX в. многие факторы, подталкивавшие людей в информбюровцы, перестали действовать. Поэтому даже без репрессий настроение участников движения могло поменяться.

Попытки определить количество реальных информбюровцев до сих пор предпринимались только на локальном уровне. Так, например, по данным М. Превишича, в Копривницко-Крижевацком округе в Хорватии из 41 зарегистрированного информбюровца были осуждены 23. Из них настоящих было 4 или 15. К сожалению, исследователь неточно сформулировал свой вывод. Нам представляется правильным – 15 чел. В Славонски-Броде и его округе были осуждены 50 информбюровцев, среди них настоящих – 22. Следует отметить, что М. Превишич жестко задал критерии “действительных информбюровцев”, привязав информбюровскую ориентацию к внешней политике. По его мнению, настоящие информбюровцы – это люди, фанатично преданные Сталину и коммунистическому движению под руководством СССР. Они принимали резолюцию Коминформбюро и стремились реализовать ее на практике³⁰. По нашему мнению, с помощью термина “информбюровцы” следует обозначать всех противников тогдашнего режима, активно выступавших со сталинских позиций. Такое мягкое определение, несомненно, увеличило бы круг настоящих информбюровцев. Конечно, данные по двум локальным зонам недостаточны для подведения итогов о стране в целом. Но эти сведения позволяют предположить, что количество настоящих информбюровцев не превышало и половины репрессированных. Чтобы получить более точные данные о численности настоящих информбюровцев, необходимо дождаться открытия фонда Союзной УДБы, переданного в 2008 г. на хранение в Архив Сербии³¹.

В настоящее время невозможно точно представить и социальный состав информбюровцев. По частично опубликованным официальным данным, среди них было 5626 крестьян, 5081 рабочий, 4008 студентов, 1722 работника Министерства внутренних дел и УДБы, 2616 работников партийного аппарата, 550 руководителей органов власти, в том числе 63 депутата союзной и республиканских скупщин, 4153 служащих Югославской армии³². Всего – 23 756 чел., что существенно превышает количество репрессированных. Однако в официальных данных отсутствуют сведения о домохозяйках, пенсионерах, инженерах, учителях, преподавателях вузов, рядовых чиновниках, учениках, рабочих творческих профессий. Следовательно, можно предположить, что в данной статистике речь идет о всех людях, к которым применялись какие-либо санкции, т.е. для 30 113 чел. Кроме того, известно, что УДБа выявила 1246 писателей, актеров, художников, судей, прокуроров, адвокатов и журналистов, поддержавших резолюцию Коминформбюро³³. Мы тоже не знаем, сколько из них было репрессировано.

На региональном уровне социальный состав информбюровцев изучен не лучше. Наиболее полные данные представлены историком Е.Ю. Гуськовой по Македонии. В январе 1964 г. по подсчетам македонской УДБы в республике были выявлены 2604 информбюровца, из них репрессированы 760. Среди македонских информбюровцев были 1249 служащих, 184 военных, 76 сотрудников УДБы, 18 профессиональных партийных работников, 147 человек, занимавших руководящие должности в партии, 287 рабочих, 187 студентов, 167 крестьян, 158 ремесленников, 69 деятелей искусства и 61 школьник³⁴. По Словении существует статистика социального состава арестованных. По данным историка А. Габрича, были арестованы 244 служащих, 238 рабочих, 78 студентов,

³⁰ *Previšić M.* Djelovanje “ibeovaca”..., s. 392, 409, 412; *idem.* “Informbiro”..., s. 105, 109–112.

³¹ *Цветковић С.* Како је спалено пет километара досијеа УДБ-е. – Архив. Часопис Архива Србије и Црне Горе, 2008, № 1-2, с. 75, 84.

³² *Radonjić R.* Op. cit., s. 74.

³³ *Marković D.* Op. cit., s. 197.

³⁴ *Гуськова Е.Ю.* Судьба македонцев, пострадавших в репрессиях конфликта Сталин–Тито. – В “интерьере” Балкан. М., 2010. – <http://guskova.ru/w/yuhis/2010-feb>

70 интеллигентов, 48 крестьян и 53 человека, отнесенные к категории “прочие”. Проблема в том, что треть арестованных потом отпустили. Следовательно, их принадлежность к информбюровцам не доказана³⁵. В Копривницко-Крижевацком округе в Хорватии были осуждены как информбюровцы 23 человека: 2 рабочих, 9 крестьян, 6 ремесленников, 3 служащих (в том числе, 1 офицер), 1 интеллигент и 2 “прочих”³⁶.

Перед историком возникают вопросы о социальном составе репрессированных и о социальном составе тех, кто действительно был информбюровцем. Ответить на них невозможно без привлечения материалов из закрытого архива союзной УДБы. С долей уверенности можно лишь утверждать, что информбюровское движение было преимущественно городским. В значительной степени оно затрагивало партийно-государственный аппарат. Но не исключено, что имеющиеся данные указывают лишь на группу риска, на ту социальную и профессиональную среду, где партия сильнее всего стремилась найти врага. Партийная установка: “если враг здесь не обнаружен, значит, его плохо искали”, делает такое предположение вероятным.

До сих пор исследователи мало говорили о причинах, побудивших настоящих информбюровцев к противостоянию с режимом. Наиболее полно проблему социальных корней движения исследовал черногорский историк Б. Ковачевич. Его исследование о черногорцах учитывает социальную, культурную и историческую специфику региона и дает возможность выделить несколько причин, заставлявших людей изменить свои политические взгляды. Во-первых, это традиционная любовь к России, перенесенная на Советский Союз, и воспитанная компартией вера в непогрешимость Сталина. Во-вторых, политика привлечения технических специалистов на руководящие должности в системе госуправления, вызывавшая недовольство кадровых революционеров. В-третьих, недовольство граждан моральным разложением партийно-государственных функционеров. В-четвертых, недовольство привилегированным имущественным положением, которое они заняли после войны, предательством коммунистических идеалов. В-пятых, политика превращения партии в массовую возмущала старых партийцев, поскольку в партию шли карьеристы. В-шестых, насильственная коллективизация, хлебозаготовки, налоги, принудительные мобилизации рабочей силы породили в народе, особенно среди крестьян, недовольство, которое тоже способствовало появлению информбюровцев³⁷. Эти выводы историка подтверждают свидетельства самих коминформовцев. В Хорватии секретарь котарского парткома Врбовец Ф. Лепотинец, чья нелегальная деятельность продолжалась с 1948 г. по февраль 1950 г., говорил собеседникам, “что они боролись, а от этого сейчас ничего не имеют”³⁸. Секретарь парткома первого района г. Белграда Корач, бежавший в 1949 г. в Румынию, обвинял руководство КПЮ в массовом приеме в партию весной 1948 г. и в карьеризме новых членов, чуждых с классовой точки зрения, в выделении высокопоставленных партийцев в отдельные от рядовых членов парторганизации, в создании спецмагазинов, где было можно “покупать продукты и промтовары в неограниченном количестве по твердым ценам”, в том, что многие из «привилегированных “деятелей”» занимались спекуляцией”³⁹.

Обвинения в разложении и перерождении КПЮ звучат и в воспоминаниях В. Дапчевича. Он рассказал о массовом распространении привилегий, о стремлении к роскоши среди руководства партии, о создании спецмагазинов, о служебных льготах, о развитии карьеризма и подхалимства. “Те, кто подлизывались, – продвигались, те, кто критиковали, – нет”, – утверждал В. Дапчевич и добавлял, что в партии оттеснялись “довоенные революционеры” и проявлялась “благосклонность к разным новичкам, да и к людям, которые были во вражеских войсках”⁴⁰.

³⁵ *Gabrič A.* Inforbirojevstvo na Slovenskem. – *Prispevki za novejšo zgodovino*, 1993, № 1-2, s. 170, 171.

³⁶ *Previšić M.* “Informbiro”..., s. 114.

³⁷ *Kovačević B.* *Op. cit.*, s. 145–147.

³⁸ *Previšić M.* “Informbiro”..., s. 106.

³⁹ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг., т. 2. М., 2002, с. 137–138.

⁴⁰ *Čuruvija S.* Ibeovac: Ja Vlado Dapčević. Beograd, 1990, s. 11–116, 118, 127.

Б. Ковачевич утверждал, что критические настроения в партии начались в конце войны, когда стало разрушаться имущественное равенство между рядовыми бойцами и руководством⁴¹. Это обстоятельство сказалось на составе информбюровцев. Среди них были 21 880 участников Народно-освободительной войны, в том числе 1673 первоборца, т.е. участника войны с 1941 г.⁴²

Все эти данные свидетельствуют об эволюции государственной власти в Югославии. В результате Народно-освободительной войны к власти в стране пришли трудящиеся классы – рабочие и крестьяне. Однако Югославия была отсталой страной, не достигшей уровня развития, необходимого для победы социализма. Рабоче-крестьянская власть стремительно разлагалась. Процесс ускорила идеология сталинизма, которая стимулировала членов КПЮ копировать порядки, сложившиеся в СССР. В результате к 1948 г. в Югославии от диктатуры пролетариата и крестьянства осталась только декоративная оболочка, содержанием которой была диктатура бюрократии. Этот процесс перерождения и вызвал недовольство у части сталинистов. Именно поэтому сталинские обвинения против КПЮ, выдвинутые в 1948 г., вполне могли восприниматься жителями Югославии как справедливые, несмотря на то, что обвинений в бюрократическом разложении в них не было. У многих информбюровцев недовольство не получило бы развития, если бы у них не было многолетней привычки верить авторитету “великого Сталина”. Эта привычка чаще всего перевешивала голос разума и толкала даже высокопоставленных функционеров на борьбу против Тито, хотя раньше признаков оппозиционности они не проявляли. Таким образом, статья информбюровцами людей побуждало критическое отношение к внутренней политике КПЮ, в основе которого часто обнаруживалось не критическое отношение к Сталину и незнание советской действительности.

Исходя из мотивов, толкавших людей к антиправительственной деятельности, можно провести параллель между информбюровцами и советской левой оппозицией 20–30-х годов XX в. Оба явления были реакцией на разрыв между социалистическими идеалами и реальной практикой сталинизма. Однако этот вывод не стоит абсолютизировать и распространять на всех информбюровцев. По социальному составу и по интересам движение информбюровцев не было монолитным. Об этом говорили и официальный югославский историк Р. Радонич, и эмигрантский хорватский историк И. Банац⁴³.

И. Банац вообще полагал, что движение информбюровцев было связано с национальными культурно-идеологическими особенностями того или иного народа Югославии. Он указывал на русофильство и патриархально-семейные традиции в Черногории, отмечал русофильство информбюровской эмиграции и ее ориентацию на сербскую культурно-историческую традицию, акцентировал внимание на недовольстве несербских национальностей утвердившимся в Югославии жестким централизмом, связывал информбюровцев с фракционной борьбой предыдущих лет. Основываясь на материалах по истории КПЮ 20–30-х годов XX в., историк показал, что несколько высокопоставленных информбюровцев из Хорватии и Македонии были не столько жертвами конфликта со Сталиным, сколько жертвами старых фракционных дряг. Но эти случаи – лишь капля в море. Основную причину фракционной борьбы И. Банац видел в расхождении по национальному вопросу⁴⁴. Выводы историка помогают понять, почему у разных национальностей в Югославии информбюровское движение проявлялось по-своему, но не более того.

Если информбюровцы критиковали социальную политику КПЮ, то правомерен вопрос, как они относились к классовой борьбе того времени и к недифференцированному социальному недовольству? Реакцию информбюровцев на социальные проблемы характеризует анонимный отчет, составленный в конце 1950 г. в Краевом партийном комитете Воеводины. В городах Нови-Сад и Кула они вели агитацию, используя недо-

⁴¹ Kovačević B. Op. cit., s. 146.

⁴² Radonjić R. Op. cit., s. 74.

⁴³ Radonjić R. Op. cit., s. 74–75; Banac I. Op. cit., s. 210–211.

⁴⁴ Banac I. Op. cit., s. 171, 178.

вольство горожан дефицитом потребительских товаров⁴⁵. Сбои в системе гарантированного снабжения и дефицит достигли в 1950 г. пика. Имело место массовое недовольство горожан, а информбюровцы пытались придать недовольству политическую окраску. Они агитировали перед выборами 1950 г. против КПЮ, призывали крестьян к выходу из крестьянских трудовых кооперативов (КТК) (так в Югославии называли колхозы) и к отказу от подписки на народный займ. Информбюровцы пропагандировали выход из КТК в Воеводине, Далмации и Славонии. Летом 1951 г. они препятствовали выполнению плана хлебозаготовок в Винковцах и Вуковаре. По данным управления безопасности, в окрестностях Крижевцев информбюровцы работали над уничтожением двух КТК и выражали недовольство хлебозаготовками. В 1951 г. в Белграде был арестован как информбюровец студент, призывавший не подписываться на второй народный заем⁴⁶. И это, пожалуй, все. Об отношении информбюровцев к проблемам рабочего класса мы не располагаем данными. Зато у нас есть сведения об отношении информбюровцев к проблемам югославских студентов. Осенью 1951 г. в Югославии отменили студенческие стипендии. Это новшество воспринималось болезненно, однако в Белградском университете бдительная УДБа не заметила в недовольстве влияния информбюровцев⁴⁷.

Но можно ли доверять источникам, имеющимся в нашем распоряжении? Призыв к выходу из КТК звучал поразительно. Ведь он исходил от людей, вошедших в историю как носители сталинистского догматизма. Можно, конечно, предположить, что информбюровцы, работавшие с массами, становились на сторону угнетенных, и тем самым снять вопрос. Но есть более серьезная проблема: а не приписали ли им антиколхозные настроения партийные руководители? Стремление навесить на информбюровцев всех собак было типичным в тогдашней практике. Лучше всего оно прослеживается по отчету партийной комиссии перед Политбюро ЦК КПХ о расследовании “вредительской деятельности” министров Д. Бркича и Р. Жигича, подготовленному в марте 1951 г. Опрошенные комиссией чиновники просто перечислили все проблемы, проколы, ошибки, дефекты и недочеты, свойственные тогдашнему хозяйственному механизму Югославии, но приписали их арестованным министрам⁴⁸. То же самое может быть и в нашем случае. Крестьяне как класс были враждебны коллективизации и выступали против КТК и хлебозаготовок. В 1950 г., когда начался экономический кризис и засуха, гарантированное снабжение горожан ухудшилось, и, естественно, у граждан возникало недовольство дефицитом и дороговизной. Это недовольство усиливали попытки добровольно-принудительно расписать среди крестьян госзаем. А когда сверху требовали найти информбюровцев, партийный чиновник приписывал это стихийное недовольство вражеской силе. Часто компетентные органы объявляли информбюровцами людей, чьи настроения были несовместимы с идеалами сталинизма. Так, в начале 1949 г. в г. Зреняние участник профсоюзной конференции написал на бюллетене “Да здравствуют англо-американцы, долой коммунистов”. Его арестовали как информбюровца. В 1951 г. в Белградском университете были арестованы несколько студентов. Некоторые из них говорили до ареста, что социализм это утопия. Однако УДБе это не помешало считать подобные разговоры проявлением подрывной информбюровской деятельности⁴⁹.

Проблема, возникшая перед нами, не нова. Она давно занимала исследователей. Вот как колебались оценки такого специалиста, как Р. Радониц, еще в 1985 г.: “Отпор крестьян конкретным экономическим и политическим мерам, которые их прямо задевали, во многих случаях отождествлялся с коминформизмом. С другой стороны, такие меры и поступки действительно влияли на то, что определенное количество людей, в самом деле, переходило на позиции коминформизма”. Он повторял: «Многие случаи

⁴⁵ Извештај о Коминформу. – *Михаиловић Д.* Голи оток, књ. 1. Београд, 1990, с. 639–640.

⁴⁶ Там же, с. 641; АВ, ф. 334, п. 3207, л. 6; *Zapisnici Politbiroa...*, sv. 2, s. 621, 632, 811, 883; *Previšić M.* “Informbiro”..., s. 107, 108; *Бонџић Д.* Указ. соч., с. 178.

⁴⁷ См.: *Бонџић Д.* Указ. соч.

⁴⁸ *Zapisnici Politbiroa...*, sv. 2, s. 653 – 691.

⁴⁹ АВ, ф. 334, п. 10892, л. 2; *Бонџић Д.* Указ. соч., с. 179.

сопротивления произволу и незаконным поступкам отдельных органов или “ответственных лиц” квалифицировались как проявление поддержки коминформизма». А потом рассказывал, к каким формам сопротивления коллективизации и хлебозаготовкам подталкивали крестьян информбюровцы⁵⁰. К сожалению, подтвердить или опровергнуть эти рассуждения мы не в силах. Для этого нужно располагать альтернативными источниками – материалами следственных дел или информбюровскими листовками, но не заброшенными из-за рубежа, а изготовленными в стране. Тогда бы можно было судить о позиции информбюровцев по социальным вопросам и достоверности партийных документов. Но на сегодняшний день все эти материалы в распоряжении историков отсутствуют. Потому решение поставленной проблемы пока еще невозможно.

С окончанием советско-югославского конфликта репрессии против информбюровцев прекратились. Большинство заключенных в декабре 1956 г. было амнистировано и выпущено на свободу⁵¹. Но история информбюровцев на этом не закончилась. Они продолжили свою деятельность и пользовались поддержкой населения. Во второй половине 50-х годов XX в. информбюровцы могли рассчитывать на поддержку менее 3 тыс. чел., т.е. менее 20% от числа осужденных. В Словении к декабрю 1959 г. враждебными считались лишь 57 чел., т.е. менее 10% осужденных. Из 41 зарегистрированного в районе Крижевцев в Хорватии информбюровца 10 чел. к 1958 г. не пересмотрели свою позицию. А в Славонском Броде и его окрестностях из 50 осужденных к концу 1959 г. считались враждебными 9 чел.⁵²

В 1957 г. несломленные информбюровцы во главе с В. Дапчевичем и М. Перовичем продолжили подпольную деятельность. В. Дапчевич утверждал, что им удалось создать сеть групп во всех республиках и автономных краях Югославии⁵³. Скромнее оценивала деятельность информбюровцев союзная УДБа. По ее сведениям, к 1958 г. три группы сложились в Белграде, одна в Сараеве, одна в Печи (Косово) и еще по одной в Загребе и Любляне находились в стадии формирования⁵⁴. В апреле 1958 г. советско-югославские отношения вновь ухудшились. На VII съезде Союза коммунистов Югославии была принята новая программа, которую в СССР признали ревизионистской и развернули в ответ на нее шумную идеологическую полемику. Не зная, как далеко зайдет противостояние на этот раз, югославская УДБа решила перестраховаться и произвести превентивные аресты активных информбюровцев. Получив предупреждение об аресте, В. Дапчевич вместе с наиболее активными сторонниками бежал из страны. 15 информбюровцев перешли албанскую границу, трое бежали в Венгрию, двое – в Италию, один – в Румынию. В эмиграции среди информбюровцев начались конфликты. В 1960 г. многие из них перебрались в СССР⁵⁵.

В СССР информбюровцев приняли с условием, что они прекратят политическую деятельность, направленную против Югославии. Членам группы В. Дапчевича были созданы благоприятные условия для интеграции в советское общество. Многие из них, защитив диссертации, были устроены на работу в вузы и научно-исследовательские институты. Часть эмигрантов обосновалась в Москве, часть – в Ульяновске, Киеве и Одессе. Некоторые из них полностью отошли от политики, но некоторые продолжали поддерживать контакты с оппозиционными силами в Югославии, как например, М. Перович в Киеве и М. Калафатич в Одессе. В. Дапчевич в середине 60-х XX в. уехал из СССР в Западную Европу, думая, что там ему уже никто не помешает продолжать борьбу против Тито. Однако его деятельность в Западной Европе оказалась безрезультатной.

⁵⁰ Radonjić R. Op. cit., s. 66, 67, 89–90.

⁵¹ Даниловић П. Употреба непријатеља. Политичка суђења 1945–1991. у Југославији. Вальево, 1993, с. 128, 131.

⁵² Gabrič A. Op. cit., s. 173; Previšić M. Djelovanje “ibeovaca”..., s. 409, 410; *idem*. “Informbiro”..., s. 112; Radonjić R. Op. cit., s. 151.

⁵³ Čuruvija S. Op. cit., s. 178.

⁵⁴ Radonjić R. Op. cit., s. 152.

⁵⁵ Даниловић П. Указ. соч., с. 129 – 131.

В 60-е годы XX в. деятельность информбюровцев в Югославии практически прекратилась. Новое оживление произошло в первой половине 70-х годов XX в. На рубеже 60–70-х годов XX в. “самоуправленческий социализм” в Югославии пережил острый социально-политический кризис. Поиски выхода из него вызвали у части общества обращение к информбюровскому наследию. Как это происходило, подробно описал Р. Радонич⁵⁶. Кроме того, есть и воспоминания участников событий.

Информбюровские группы стали создаваться с конца 60-х годов XX в. и были разгромлены к началу 1976 г. За это время в движении приняли участие не только ветераны, но и молодежь. Сталинизм, который исповедовали информбюровцы, заметно изменился. В Югославии установилось общее негативное отношение к информбюровцам как врагам независимости страны, и чтобы достучаться до молодежи, часть активистов скрывала свое отношение к советско-югославскому конфликту. Упор делался на критику “самоуправленческого социализма” с позиций сталинистского взгляда на социализм, режиму бросали обвинение в перерождении и отходе от социализма, и в то же время в ряде случаев подвергался критике “восточный бюрократизм”. В первую очередь это характерно для группы, возникшей в Белграде. Впрочем, многие участники движения не приняли эти новшества и остались на ортодоксальных информбюровских позициях.

Информбюровские группы возникли в это время в Белграде, Загребе, Любляне, Скопье, Сплите, Босанска-Дубице, Тузле. Всего их было несколько десятков. Одна из наиболее крупных групп находилась в Сремски-Карловцы. Группа называлась Координационным комитетом по основанию новой КПЮ. Она приняла свою программу, издавала газету и листовки. Еще одна большая группа базировалась в черногорском городе Баре. Она действовала в тесной связи с информбюровской эмиграцией. 6–7 апреля 1974 г. группа провела в Баре съезд, собравший 12 человек. Съезд объявил себя V съездом КПЮ, “распустил” правящий Союз коммунистов Югославии и избрал новый центральный комитет. Секретарем партии был избран М. Перович, проживавший в то время в Киеве. Новая КПЮ просуществовала недолго. ЦК собрался лишь один раз через месяц после съезда и был арестован. 32 члена барской группы приговорили к заключению на сроки от 2 до 14 лет⁵⁷.

После съезда М. Перович выехал из СССР в Западную Европу, чтобы заниматься пропагандой среди югославских трудовых мигрантов. Но в ход событий вмешались югославские спецслужбы. В 1975 г. они выкрали и Дапчевича, и Перовича. В Югославии в том же году их приговорили к 20-и годам тюрьмы⁵⁸. В начале 1976 г. были арестованы еще 82 активиста. Почти все информбюровские группы были разгромлены. Провала избежала лишь Югославская рабоче-крестьянская партия – коммунистов. Она вела деятельность на территории Югославии в конце 60 – начале 70-х годов XX в. По мнению спецслужб, центр организации находился за границей. Из-за границы партия засылала в Югославию листовки, воззвания и письма. Но кто за ней стоял, установить не удалось.

Деятельность информбюровцев в Югославии вновь прервалась. После 1976 г. Р. Радонич относил к числу информбюровских организаций Югославии только Албанскую коммунистическую марксистско-ленинскую партию. Весной 1981 г. она добивалась выхода Косова из состава страны. Впрочем, для этой организации первостепенное место занимал национальный вопрос, и, судя по опубликованным отрывкам из ее программных документов, эту партию следует отнести не столько к информбюровцам, сколько к албанским националистам⁵⁹.

В конце 80-х годов XX в. информбюровцы вновь активизировали свою деятельность. Югославский “самоуправленческий социализм” в это время стал распадаться. В обществе появился интерес к белым пятнам истории, в том числе и к репрессиям

⁵⁶ Radonjić R. Op. cit., s. 161–168.

⁵⁷ Kržavac S., Marković D. Op. cit., s. 321.

⁵⁸ Даниловић Р. Указ. соч., с.130–131.

⁵⁹ Radonjić R. Op. cit., s. 168–169, 177–179.

против информбюровцев. Тема вызвала поток обличительной литературы, направленной не столько на реабилитацию сторонников Коминформа, сколько на критику режима, а вместе с ним и коммунистических ценностей. Кризис “самоуправленческого социализма” привел к распаду правящей партии, утверждению политических свобод и снятию препятствий на всякую оппозиционную деятельность. В 1988 г. был досрочно амнистирован В. Дапчевич, а в 1989 г. – М. Перович.

Воспользовавшись предоставлением политических свобод и разочарованием югославского общества в пути, пройденном за полвека, информбюровцы в 1990 г. образовали две партии: Коммунистическую партию Югославии во главе с М. Перовичем и Новую коммунистическую партию Югославии (НКПЮ) во главе с Б. Китановичем. Два года спустя В. Дапчевич основал Партию труда (ПТ), окончательно оформившуюся в 1997 г. В конце 90-х годов XX в. КПЮ прекратила существование. На сегодняшний день в бывшей Югославии существуют две информбюровские партии – НКПЮ и ПТ. Обе действуют в Сербии.

НКПЮ по своему мировоззрению и психологическому настрою относится к тем, кого в бывшей Югославии называют выразительным словом “югоностальгичары”. Ее социализм густо приправлен панславистскими мотивами. Партии не чужд и сербский национализм: на выборах 2008 г. она поддержала Т. Николича, кандидата от Сербской радикальной партии. По своим взглядам она очень близка к неосталинистским партиям и группам, действующим в СНГ, и поддерживает с ними контакты, благо поэт и переводчик Б. Китанович, возглавлявший партию с момента основания до своей смерти в 2011 г., хорошо знал русский язык. Сторонники НКПЮ верят, что в XX в. существовала мировая система социализма, а в СССР был развитой социализм, и все это было уничтожено в результате предательства М.С. Горбачева. Партия выступает за сильную армию, призывает к восстановлению Югославии, не признает отделение республик, осуждает хорватский национализм и заявляет о принижении роли сербов в Социалистической федеративной республике Югославии⁶⁰. У партии есть молодежная организация – Союз коммунистической молодежи Югославии, но основной состав партийных активистов – пенсионеры. Деятельность партии в основном сводится к празднованию тех или иных дат в истории коммунистического и рабочего движения.

Партия труда резко отличается от НКПЮ тем, что состоит в основном из молодежи и обладает выраженным боевым характером. Численность ее невелика. 10 лет назад в ней состояло около сотни человек. По идейным взглядам члены ПТ ходжисты, что и не удивительно: В. Дапчевич еще до основания своей партии пришел к выводу, что самую правильную политику проводит Албанская партия труда. ПТ была одной из немногих организаций в Сербии, изначально выступавших за предоставление независимости Косову⁶¹. В противовес сербским националистам она усиленно подчеркивает свой интернационализм.

Продолжительное существование информбюровцев доказывает, что у них были более глубокие корни, не сводимые к противостоянию Югославии и СССР. Они заключались в недовольстве, которое бродило в умах сторонников социализма, неудовлетворенных реальной общественной практикой КПЮ.

⁶⁰ Нова комунистичка партија Југославије. Статут и програм. Београд, 1997, с. 10, 15–16, 32, 34, 43–47.

⁶¹ Program i statut Partije rada. Beograd, [2002], s. 5, 9–10.